

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Лосев Сергей Сергеевич

*кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
отдела исследований в социальной сфере Института правовых
исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а,
220050, г. Минск, Республика Беларусь, sergei_losev@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые вопросы структуры исключительного права. Автор приходит к выводу о необходимости определения содержания исключительного права через правомочие его обладателя на совершение определенных позитивных действий и исключения из его содержания правомочия запрета.

Ключевые слова: структура субъективного гражданского права, исключительное право, правомочия обладателя исключительного права.

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Sergey Losev

*PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Social Research
Department of Legal Research Institute, National Center of Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus, 1a Bersona Str.,
220050, Minsk, Republic of Belarus, sergei_losev@list.ru*

Abstract. The article deals with the key issues of the structure of the exclusive right. The author comes to the conclusion that it is necessary to determine the content of an exclusive right through the authority of its owner to perform certain positive actions and to exclude from its content the authority to prohibit.

Key words: structure of subjective civil law, exclusive right, powers of the owner of the exclusive right.

Введение. Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации приобретают все большее значение в экономических отношениях. Для эффективного осуществления этого права необходимо понимание его структуры, т. е. системы правомочий, признаваемых за обладателем права.

Общепризнано, что исключительные права, признаваемые в отношении результатов интеллектуальной деятельности и приравненных

к ним средств индивидуализации, заняли свое самостоятельное место в системе гражданских прав. При этом, если структура права собственности как совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом четко определена в законодательстве и обоснована правовой доктриной, то структура исключительного права, выполняющего функцию, аналогичную праву собственности, не получила как единообразного закрепления в законодательстве, так и единого доктринального определения.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе общетеоретических представлений о структуре субъективного гражданского права, анализа представленных в цивилистической науке позиций, а также критической оценки норм действующего законодательства сформулировать теоретическое представление о структуре исключительного права и на его основании определить основные направления совершенствования норм законодательства.

Основная часть. Вопросы о понятии и содержании гражданских прав в науке гражданского права традиционно относятся к категории дискуссионных.

Определяя содержание субъективного гражданского права, О. С. Иоффе отмечал: «... чтобы охватить общим определением все разнообразные субъективные гражданские права, необходимо включить в него указание на обе отмеченные возможности – как на дозволенность собственных действий управомоченного, так и на возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц» [1, с. 107].

Алексеев С. С. предложил выделение в субъективном гражданском праве трех правомочий: 1) на собственные действия, предполагающего активность самого носителя субъективного права; 2) требования, означающего возможность требовать от противоположной стороны исполнения или соблюдения возложенной на нее обязанности; 3) на защиту со стороны государства (притязание), предполагающее постоянно имеющуюся у субъекта возможность обратиться к государству за защитой нарушенного субъективного права [2, с. 308].

Следует отметить, что сформулированное С. С. Алексеевым представление стало преобладающим в постсоветской цивилистике [3, с. 9394]. Ориентируясь на него, российский исследователь А. С. Аникин определяет исключительное право как юридическое обеспечение трех видов поведенческих возможностей правообладателя: 1) совершать определенные законом действия в отношении результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (объекта права), 2) совершать действия в отношении самого исключительного права и 3) требовать от всех иных лиц, которые имеют или могут иметь

(в предусмотренных законом случаях – не имеют и не могут иметь) доступ к объекту права, воздерживаться от использования объекта права за исключением установленных законом случаев и, в случаях, прямо предусмотренных законом, – от обладания им, а также не препятствовать правообладателю осуществлять его право иным образом [4, с. 6].

Однако такой подход не позволяет понять содержание исключительного права, отличающее его от иных видов субъективных гражданских прав. Нормы ст. 983 ГК говорят о том, что обладатель исключительного права вправе использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом, а также вправе распорядиться своим правом. В то же время, в ряде специальных законов при определении исключительного права в отношении различных объектов интеллектуальной собственности законодатель наряду с правом самостоятельного использования объекта упоминает право правообладателя «... разрешать или запрещать другим лицам такое использование». Так, согласно норме п. 2 ст. 16 Закона «Об авторском праве и смежных правах» исключительное право на произведение означает право автора или иного правообладателя использовать произведение по своему усмотрению в любой форме и любым способом; при этом автору или иному правообладателю принадлежит право разрешать или запрещать другим лицам использовать произведение. Аналогичные нормы содержатся в законах «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», «О патентах на сорта растений», «О товарных знаках и знаках обслуживания». Структура исключительного права на географическое указание, не участвующего в гражданском обороте, в норме п. 2 ст. 3 Закона «О географических указаниях» определена как «право использовать по своему усмотрению, а также запрещать его использование другим лицам». Можно говорить о том, что отечественный законодатель, определяя структуру исключительного права в отношении различных объектов интеллектуальной собственности, выделяет в нем в качестве отдельного правомочия *право запрещать использование объекта третьим лицам*. Однако такое решение представляется спорным и побуждает обратиться к теоретическим аспектам определения структуры исключительного права.

Определенные представления о структуре исключительного права были сформированы еще в российской дореволюционной цивилистике, в частности, в работах выдающихся правоведов Г. Ф. Шершеневича и А. А. Пиленко. При этом если Г. Ф. Шершеневич акцентировал внимание на абсолютном характере исключительного права, выражающемся

в том, что его обладатель вправе использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности исключительно по отношению к третьим лицам, то А. А. Пиленко подчеркивал превалирующее значение запретительного элемента для исключительных прав и применительно к патентному праву доказывал, что содержанием права из патента является право запрещения, обращенное ко всем третьим лицам, а «... позитивная же возможность фабрикации есть не юридическое понятие, а экономическая функция правового института запрещения» [5, с. 657]. Сразу скажем о том, что с таким подходом сложно согласиться уже в силу того, что исключительное право предназначено для участия в обороте, при этом контрагент обладателя исключительного права заинтересован не в «снятии лежащего на нем запрета», а в приобретении позитивного права, гарантирующего возможность эксплуатации объекта интеллектуальной собственности преимущественно перед иными лицами, которым такое право не предоставлено. Тем не менее, идея о необходимости выделения в содержании исключительного права правомочия запрета была реализована в законодательстве ряда постсоветских государств, включая Республику Беларусь, а также получила определенную поддержку в правовой доктрине.

Наиболее активно проблематика исключительных прав исследуется в российской правовой науке. В числе современных ученых, в той или иной степени глубины затрагивавших проблематику структуры исключительного права и его содержания в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности, можно назвать имена И. А. Ближенца, О. А. Городова, И. А. Зенина, О. А. Калятина, А. Л. Маковского, А. П. Сергеева и ряда других авторов. Среди диссертационных исследований, посвященных данному вопросу, можно выделить работы А. С. Аникина «Содержание и осуществление исключительных прав» [4], Р. Ф. Галеевой «Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте» [6], а также Н. Б. Спиридоновой «Структура исключительного права» [7]. При этом можно согласиться с утверждением о том, что «... в российской цивилистике отсутствует системное исследование исключительного права и не выработано единое и непротиворечивое понимание данной конструкции; в литературе можно встретить лишь разрозненные мнения в отношении структуры отдельных видов исключительных прав» [7, с. 3].

Нельзя не сказать о том, что в современной юридической литературе встречаются попытки определения структуры исключительного права по аналогии с правом собственности. Так, М. С. Можаяев приходит к выводу о том, что содержание исключительного права гражданина или юридического лица составляют три правомочия: 1) обладание

правом на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации; 2) правомочие использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации; 3) правомочие распоряжения правом на результат интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации [8, с. 71]. Однако такой подход представляется искусственным упрощением, не учитывающим принципиальное различие между объектами права собственности и исключительного права, которое не может не быть отражено в содержании последнего.

В современной российской правовой науке преобладающим стало определение исключительного права через три правомочия (использовать объект, запрещать использование объекта третьим лицам и распоряжаться правом), и именно такой подход получил закрепление в нормах ст. 1229 ГК РФ, согласно которым гражданин или юридическое лицо, обладающее исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (правообладатель), *вправе использовать* такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом; правообладатель *может распоряжаться* исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации; правообладатель может по своему усмотрению *разрешать или запрещать* другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. В качестве примера можно привести мнение И. А. Зенина о том, что содержание исключительного права образуют правомочия обладателя на собственные действия с охраняемым объектом, на распоряжение своим правом и на запрет третьим лицам [9, с. 26].

Однако вопрос о структуре исключительного права продолжает вызывать споры. При этом наиболее дискуссионным является вопрос о необходимости включения в эту структуру правомочия запрета. Как отмечает В. И. Еременко, «... доктрина раскололась на две части с диаметрально противоположными позициями в отношении функций исключительного права: либо только позитивная функция, либо только негативная функция. Сторонники только позитивной функции игнорируют нормы, в которых установлены как общий, так и конкретный запреты нарушения исключительного права. ... Сторонники преимущественно негативной функции исключительного права привели достаточно весомые доводы в пользу в определенных случаях главенствующей роли права запрета, игнорируя, однако, правовую реальность, т. е. наличие норм, определяющих позитивную функцию исключительного права» [10, с. 25].

Тихонов И. А. приходит к выводу о том, что содержание исключительного права на результат интеллектуальной деятельности следует признать состоящим из правомочий использовать результат, включая правомочие распоряжаться правом и правомочие запрещать третьим лицам использовать результат [11, с. 7]. Коршунов Н. М., повторяя, по сути, мысли А. А. Пиленко, отмечает, что исключительное право не имеет смысла без возможности правообладателя запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации [12, с. 52]. Наиболее радикальный вариант негативной функции исключительного права нашел отражение в работах М. В. Лабзина, по мнению которого во главу угла следует поставить юридическую обязанность третьих лиц воздерживаться от использования нематериального объекта, что именно воздержание третьих лиц составляет ценность исключительного права и что законодательство должно обеспечить именно такое воздержание, а вовсе не возможность правообладателя использовать объект самому или даже только самому [13, с. 9–16].

Однако такой подход к пониманию структуры исключительного права не является преобладающим. Дозорцев В. А., занимавшийся разработкой современной концепции исключительных прав, выделял в содержании исключительного права два правомочия: использование и распоряжение; при этом, по его мнению, запрет использования объекта исключительного права третьими лицами не является самостоятельным правомочием обладателя, а входит в состав права использования [14, с. 48]. Схожую позицию занимает М. В. Волынкина, которая относит запрет на использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации не к одному из самостоятельных правомочий обладателя исключительного права, а к основным принципам гражданского права наравне с принципом неприкосновенности собственности [15, с. 10]. Спиридонова Н. Б. приходит к выводу о том, что ключевым характером в структуре исключительного права обладают позитивные правомочия, а не право запрещать третьим лицам использование соответствующего нематериального объекта [7, с. 9].

Таким образом, суть позиции сторонников позитивной функции исключительного права состоит в том, что возможность требовать соответствующего поведения от обязанного лица наряду с правом на собственные действия является одним из элементов субъективного права, а запрет всем без исключения лицам воздерживаться от нарушения является обязательным атрибутом любого абсолютного права, каковым является и исключительное право [16, с. 89].

Еременко В. И. занимает компромиссную позицию, приходя к выводу о том, что «... содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности характеризуется как позитивной функцией (правомочие использования), так и негативной функцией (правомочие запрета). ... Вряд ли уместно выделять какую-то из этих функций в качестве главенствующей, поскольку в интересах правообладателя они играют различную роль, причем каждая из них является важной. В этом и заключается концепция единства позитивной и негативной функций исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, в которой отражены особенности самого института исключительного права» [10, с. 25–26].

Мы поставим вопрос следующим образом: насколько необходимо выделение правомочия запрета в структуре исключительного права? Как представляется, решение законодателя, наделяющего обладателя исключительного права правомочием запрещать использование объекта третьим лицам, призвано подчеркнуть абсолютный характер данного права и определенным образом «усилить» защиту прав интеллектуальной собственности. Однако законодательное закрепление данного правомочия порождает серьезные практические проблемы, связанные с его реализацией. Основной вопрос состоит в том, каким образом должен быть выражен данный запрет, и можно ли рассматривать пассивное поведение обладателя исключительного права, не предоставляющего разрешение третьему лицу на использование объекта интеллектуальной собственности, в качестве такого запрета, либо от правообладателя требуется осуществление определенных активных действий. Решая данную проблему, российский законодатель вынужден был включить в ст. 1229 ГК РФ норму о том, что отсутствие запрета со стороны правообладателя не считается согласием (разрешением). К слову, в законодательстве Беларуси на сегодняшний день такой нормы нет.

Еще более сложным представляется решение вопроса о возможных формах реализации права запрета в ситуации совместного обладания исключительным правом несколькими лицами, поскольку сообладателям права необходимо договорить не только о совместном использовании объекта, но и о совместном осуществлении правомочия запрета, а законодателью необходимо делать специальное уточнение, что право запрета не распространяется на других сообладателей исключительного права.

Можно ли при определении структуры исключительного права обойтись без упоминания «права запрещать»? Как представляется, нет причин, препятствующих применению в отношении исключительного права общепринятых представлений о структуре любого субъективно-

го гражданского права, представленной тремя правомочиями (на собственные действия, требования и на защиту). При этом правомочие требования есть не что иное, как требование надлежащего поведения третьих лиц, обязанных в силу закона воздерживаться от нарушения исключительного права.

Как мы уже отмечали, исключительное право относится к категории *абсолютных прав*. К слову, поясняя значение слова «исключительное» для характеристики данного вида гражданских прав (применительно к патентному праву), А. А. Пиленко говорил о том, что оно означает право обладателя привилегии *исключительно*, т. е. в отличие от всех остальных, использовать изобретение [5, с. 445]. В юридической литературе и диссертациях последних лет предлагается достаточно много определений исключительного права, в каждом из которых неизменно указывается на абсолютный характер этого права. Так, российский исследователь С. В. Зыков в своей монографии «Учение об интеллектуальных правах» определяет исключительное право как абсолютное право, которое, по общему правилу, является срочным, заключается в возможности любого использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации исходя из назначения указанных объектов, которое может быть предметом сделки по распоряжению правом [17, с. 74]. Абсолютный характер исключительного права четко определен в норме п. 1 ст. 983 ГК, согласно которой использование другими лицами объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых их правообладателю принадлежит исключительное право, допускается только с согласия правообладателя.

Как следствие, содержание исключительного права на любой объект интеллектуальной собственности может быть выражено через определение действий по использованию объекта, которые может осуществлять обладатель этого права. Выделение в содержании исключительного права правомочия запрещать использование объекта представляется необоснованным, поскольку запрет несанкционированного использования третьими лицами вытекает из абсолютной природы исключительного права, подтверждаемой нормой п. 1 ст. 983 ГК о допустимости использования объекта исключительных прав только с согласия его обладателя. Более того, наделение обладателя исключительного права правомочием «разрешать или запрещать» в своей «разрешительной» составляющей дублирует правомочие по распоряжению правом, а в «запретительной» составляющей порождает теоретические и практические проблемы с определением форм реализации данного правомочия.

Насколько обоснованно рассматривать указание законодателя на возможность распоряжаться исключительным правом в качестве правомочия, составляющего его содержание? Если исходить из анализа норм законодательства, которые или исключают, или ограничивают возможность распоряжения исключительным правом на отдельные объекта права интеллектуальной собственности (географические указания, фирменные наименования, коллективные знаки), можно прийти к выводу о том, что это правомочие не входит в состав исключительного права как разновидности гражданских прав, а относится к такой его характеристике как *оборотоспособность*.

Заключение. Резюмируя проведенное исследование, можно сделать вывод о том, что для определения содержания исключительного права на определенный объект интеллектуальной собственности достаточно определения действий, охватывающих возможные способы использования данного объекта. При этом исключительность права, обеспечиваемая запретом третьим лицам на совершение таких действий, изначально вытекает из абсолютного характера исключительного права и не требует оформления в качестве правомочия запрета, включаемого в структуру исключительного права.

Практическая реализация данного теоретического вывода предполагает необходимость корректировки норм ряда законов в области права интеллектуальной собственности в целях исключения из определения исключительного права правомочия его обладателя запрещать использование соответствующего объекта третьим лицам.

Список цитированных источников

1. *Иоффе, О. С.* Избранные труды / О. С. Иоффе: в 4 т. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – Т. 2: Советское гражданское право. – 511 с.
2. *Алексеев, С. С.* Проблемы теории права / С. С. Алексеев: в 2 т. – Т. 1. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1972. – 396 с.
3. *Васев, И. Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория: моногр. / И. Н. Васев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 189 с.
4. *Аникин, А. С.* Содержание и осуществление исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. С. Аникин; Акад. народного хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2008. – 240 с.
5. *Пиленко, А. А.* Право изобретателя / А. А. Пиленко. – М.: Статут, 2001. – 688 с.
6. *Галеева, Р. Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. Ф. Галеева; Рос. Акад. правосудия. – М., 2011. – 182 с.
7. *Спиридонова, Н. Б.* Структура исключительного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. Б. Спиридонова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2022. – 26 с.
8. *Можаев, М. С.* Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и особенности исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или

средство индивидуализации / М. С. Можаяв // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 7073.

9. Зенин, И. А. Право интеллектуальной собственности: учеб. /И. А. Зенин. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 567 с.

10. Еременко, В. И. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2011. – № 5. – С. 15–26.

11. Тихонов, И. А. Осуществление Российской Федерацией прав на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И. А. Тихонов; НГОУ «Московская академия экономики и права». – М., 2007. – 25 с.

12. Коршунов, Н. М. Интеллектуальная собственность: права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: учеб. пособие / Н. М. Коршунов. – М.: Норма, 2008. – 384 с.

13. Лабзин, М. В. Содержание исключительного права при отсутствии возможности использовать охраняемый объект / М. В. Лабзин // Патенты и лицензии. – 2010. № 4. – С. 9–15.

14. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации / Исследовательский центр частного права /В. А. Дозорцев. – М.: Статут, 2003. – 227 с.

15. Волынкина, М. Содержание исключительного права: право запрета как принцип абсолютного права / М. Волынкина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2012. – № 9. – С. 5–12.

16. Зимин, В. А. Место и роль исключительного права в системе интеллектуальных прав / В. А. Зимин. // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в общественных, гуманитарных, естественных и технических науках. – 2014. – № 1. – С. 86–90.

17. Зыков, С. В. Учение об интеллектуальных правах / С. В. Зыков; отв. ред. А. В. Цихоцкий; Рос. Акад. наук, Сиб. отделение, И-т философии и права. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 121 с.

УДК 347.122; 34.023

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Мороз Владимир Петрович

*кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора
учреждения образования «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов
и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
ул. Советская, 14, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, morozv@bsu.by*

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта. Автором анализируются различные позиции ученых относительно возможности наделения искусственного интеллекта определенной правосубъектностью, в том числе предложения при-